

Моим друзьям, живущим ныне и ушедшим

I

ҒӨН ВЕСЕННИЙ ЭСТРУС

(1 апреля 1961 года)

— Хотя я и утверждаю, что это произошло в Рейкьявике в первый день апреля тысяча девятьсот шестьдесят первого года, с тем же успехом это могло случиться на две или даже на три недели раньше, но вряд ли более того. С такой же оговоркой, всё завершилось ровно через год, в тот же самый день, Впрочем, возможно, на один-два месяца (или максимум — на десять недель) позже. Тем не менее, последнее представляется мне маловероятным, поскольку я не нашел никаких сведений о столь преждевременных родах, что, несомненно, стало бы сенсацией и не могло не оставить отклика в газетах или других источниках того времени. Поэтому в последующем повествовании я буду придерживаться именно этой даты: первое апреля тысяча девятьсот шестьдесят первого года.

Данное событие могло иметь место где угодно, к примеру, в сельской глубинке или каком-нибудь рыбацком поселке, но я предпочел расположить

его в Рейкьявике, в центре города, на улице моего детства, неподалеку от дома, где я вырос. С одной стороны, потому что как раз тогда число жителей Рейкьявика превысило численность населения остальной части Исландии, с другой — потому что твердо решил вписать в общую картину и себя самого, а именно в столице я впервые увидел свет, прожил здесь всю свою жизнь, здесь собираюсь и умереть.

Впрочем, дату и место я фиксирую не только для того, чтобы всем было ясно, где и когда мы находимся, но, прежде всего, ради формы — чтобы придать вводной главе вес и масштаб, соизмеримые с тем, что последует за ней, чтобы с самого начала стало понятно, что данное произведение перекликается с другими видами повествовательного искусства (с длинным перечнем, включающим в себя всё: от провидческой поэзии из старинных манускриптов до футуристических фильмов, от стихов-нескладушек до Евангелий, от сказок про сваренных из зелий привидений до инсайдерских сплетен в газетах, от путевых заметок, написанных даровитыми женщинами, до комиксов о детях-мутантах, от поп-лирики

до трактатов по психологии, от порнографических журналов до описаний шахматных партий), а также, чтобы по ясности и глубине это мое вступление не уступало лучшим академическим текстам таких одаренных антропологов, которые с помощью сложной, но четко выстроенной логической цепочки способны в одно мгновение перенести своих читателей к отпечатку руки, оставленному их праmaterью на стене пещеры Альтамира, в то время как предметом исследования являлась всего лишь добрая старая детская игра: когда к прохладному оконному стеклу прикладывают ладонь, дышат на нее, а потом убирают, там на мгновение остается теплый след руки... Да, маленькой руки, так же не похожей на мои холодные и огрубевшие ручки, как теплое дыхание не сравнимо с замерзшим стеклом...

* * *

— Йозеф, я держу в своей руке твою ладонь. Мои пальцы касаются ее тыльной стороны. Там, под мягкой кожей, чувствуется тепло. Ты еще жив...

— Хищник... Я уже показывал тебе, что с ним случилось?

— Мы вернемся к этому позже, расскажи мне лучше про первое апреля тысяча девятьсот шестьдесят первого года.

* * *

— Вот так, по моему представлению, всё тогда произошло.

В ночь на субботу первого апреля тысяча девятьсот шестьдесят первого года, в тот самый момент, когда мощный молоток напольных часов в столовой супругов Тóрстейнсон, на втором этаже частного дома номер 10а по улице Ё́нгольфсстрайти, отбил двенадцатый удар, к зданию, со стороны двора, медленно подъехала машина и припарковалась в тени у самой стены, не заглушив двигатель, хотя фары были выключены. Из спальни своей съёмной подвальной квартирке, где он, укрытый одеялом, со сложенными на груди ладонями, лежал в ожидании, когда между бодрствованием и сном откроются врата из рогов и слоновых бивней, Лео Лёве, мой отец, услышал, как по лестнице,

ведущей из кухни к двери черного входа, быстро спустилась фру¹ Торстейнсон. Это могла быть только она: у супругов не было детей, служанка уходила домой, закончив уборку после ужина, а хёрра² Торстейнсон как раз находился на собрании мужского хора «Певчие дрозды», который в настоящее время усердно готовился к предстоящей поездке по Святой Земле, где планировались выступления в церкви Рождества Христова в Вифлееме, на берегу Галилейского моря, на Храмовой горе в Иерусалиме, а также в Гефсиманском саду, и это помимо остановки в столичном Тель-Авиве с целью сфотографироваться рядом с оливковым деревом, посаженным у здания Кнессета в честь бывшего участника хора, баритона Тóра Тóрса, который в качестве посла возглавлял делегацию Исландии в ООН, когда исландцы поддержали создание государства Израиль. Репетиции для гастролей такого масштаба обычно затягивались на многие часы, и поэтому херра Торстейнсон ожидался домой лишь под утро.

¹ Госпожа (исл.). (Здесь и далее, если не оговорено другое, — примечания переводчика.)

² Господин (исл.).

Дойдя до нижних ступенек, фру Торстейнсон замедлила шаг, будто запоздало вспомнив о моем отце, спящем в подвальной комнате как раз под лестницей, или же — в свете того, что ожидало ее этой ночью — вдруг усомнилась в своих намерениях. Как бы то ни было, ее колебания длились недолго, она тихонько отомкнула дверь, и Лео услышал, как простучали ее каблучки снаружи, как открылась и закрылась дверца машины, увидел, как мигнули светом включенные фары, услышал, как мурлыканье дизеля постепенно превратилось в удаляющееся ворчание, когда машина тронулась с места и отъехала от дома.

В этот момент, наконец, отворились ворота и впустили его в сон...

ТАЙНА ЧЕРНОГО ТРЕУГОЛЬНИКА I&II

(Таксомотор 69)¹

Затянутая дождевыми тучами темно-синяя апрельская ночь обволакивает черный таксомотор марки «Мерседес-Бенц», стоящий в проулке у проходной

¹ Пародия на название кинофильма «79 af stöðinni», романтической истории про таксиста и женщину (1962 год).

завода по производству рыбной муки. Время слегка за полночь, и единственный свет, конкурирующий с густым ночным мраком, — тускло-желтое свечение приборной панели, которого, впрочем, достаточно для того, чтобы молодой таксист, Óртн Ра́гнарссон, смог в зеркале заднего вида рассмотреть всё, что пожелает, когда сидящая сзади женщина сбрасывает с себя шубу: плотно облегающий бутылочно-зеленого цвета костюм повторяет каждую линию, каждый изгиб ее тела.

Первая мысль, которая приходит ему в голову: «На ней под этим вряд ли много надето... Может, вообще ничего...». Взгляд таксиста останавливается на ее бедрах, на впадине, образованной подолом короткой узкой юбки и сомкнутыми ляжками, — она зияет обещанием того, что ждет его там, под туго натянутой тканью.

Всё так же не отводя глаз от зеркала, он наклоняется к радию, выключает ее, но заговорить с женщиной не успевает. Предупреждая его слова, она расстегивает жакет. Под жакетом обнаруживается шелковая блузка, сквозь нежную тонкую ткань проглядывает глубокий вырез черного бюстгальтера. Позволив таксисту некоторое время

поллюбоваться собой, она расстегивает юбку, спускает ее до колен, а затем, упершись ногами в спинку переднего сиденья, стягивает совсем.

Она передает ему юбку, и он кладет ее на пассажирское место рядом с собой. Приподнявшись над сиденьем, она подсовывает руки под прозрачный подъюбник и похожим манером начинает избавляться от черных, шелковых с кружевной отделкой, трусиков. Пять секунд спустя они присоединяются к лежащей рядом с водителем юбке.

В машине становится жарко. Мотор работает. Вентилятор гонит в салон разогретый воздух. Тикает счетчик. По радио американской военной базы передают музыкальную прелюдию к фильму «Исход». Внизу ее живота, под тончайшей нижней юбкой, темнеет треугольник, обрамленный светло-коричневыми бортиками нейлоновых чулок и темно-красными резинками чулочного пояса. Таксист ослабляет узел галстука и расстегивает пуговицу на вороте рубашки.

Еле заметно улыбнувшись, женщина задирает кверху блузку, прижимает груди одна к другой — так что из черных чашечек бюстгальтера выныривают нежно-розовые соски. От ее зрелого тела

струится сладкий теплый аромат. Глубоко вдохнув, таксист пробегает взглядом по затененному проулку. Нет, в этом месте, в это время суток их никто не потревожит. Он украдкой косится на часы на панели — двадцать три минуты первого, скоро в диспетчерской обнаружат его пропажу. Если всё это должно во что-то вылиться, ему нужно начинать действовать. И немедленно!

Он поворачивается к женщине.

Розовый кончик языка показывается меж ее полных ярко накрашенных губ, и она увлажняет их, медленно проводя языком от одного уголка рта к другому. Ее ноги раздвигаются, подол подъюбника натягивается и подскакивает на бедра, обнажая уместившийся между резинками пояса кустик темных волос. Она издает еле слышный стон.

Он скидывает куртку, протискивается между передними сиденьями и пристраивается напротив женщины. Притянув его к себе, она буквально вжимается в него, будто одержима единственным желанием: отдаться ему целиком, всем телом. Их губы смыкаются в дрожащем от вожделения поцелуе. У него звенит в ушах. Страсть женщины настолько неистова, что ему становится не по

себе. С пугающей пылкостью ее губы ласкают его лицо и шею, в то время как ладони и подушечки пальцев с ярко-красными лакированными ногтями массируют сквозь ткань брюк его твердеющий пенис. Он с ужасом чувствует, как она, распахнув его рубашку, ослабляет брючный ремень и расстегивает ширинку.

Когда, наконец, его губы вырываются из затаженного поцелуя, ему удается повернуть голову к приборной доске и краем глаза уловить подсвеченный циферблат часов: половина первого ночи.

— Слушай... слушай... — прерывистым шепотом пытается он вставить между ее жадными частыми поцелуями. — Я должен... я должен вернуться на станцию через пятнадцать минут...

Она зажимает ему рот и без дальнейших проволочек, откинувшись назад, сбрасывает черные, на высоких каблуках, туфли, закидывает правую ногу на спинку переднего сиденья, левой упирается в заднюю дверь, стискивает ладонями его ягодицы и тянет к себе, пока влажные половые губы не смыкаются вокруг головки его члена.

Никогда еще ни одна женщина не жаждала его с такой силой, и когда она, подавшись вперед

бедрами, засасывает его в свое пылающее недро, он понимает, что не способен доставить ни ей, ни себе никакого удовольствия. Минута взбесившейся похоти, перед глазами взрываются ослепительные искры, и сперма быстрыми толчками выбрасывается в ее влагалище. Всё, занавес.

Пока он поправляет на себе одежду, женщина лежит неподвижно, закрыв глаза, но выражение ее лица не оставляет у него никаких иллюзий: она разочарована. Снаружи вдруг сгущается темнота, небеса разверзаются, и по крыше автомобиля начинают барабанить дождевые капли.

Он ретируется на свое место, садится за руль, надевает куртку и смотрит в зеркало. Облизнув пальцы, поправляет растрепавшиеся волосы, молча осыпая себя проклятиями: черт, он кончил быстро, слишком быстро.

Женщина не произносит ни слова, и даже не удостоивает его взглядом, когда он подает ей белье и юбку. Всё так же молча она начинает одеваться. Он включает радио погромче, шум дождя и «Голубая луна» в ду-воп обработке «Марселей» разряжают атмосферу молчаливого упрека женщины. Сделав вид, что задумчиво смотрит в ночь, он

наблюдает за ее отражением в изогнутом лобовом стекле. Она проскальзывает в трусики, натягивает юбку тем же путем, каким снимала, застегивает молнию на бедре, надевает туфли, запахивает шубу. Закончив с одеждой, встряхивает головой, чтобы тщательно залитые лаком темно-каштановые волосы улеглись в прическу.

Он достает из-за солнцезащитного козырька пачку сигарет, наполовину вытряхивает одну и уже собирается вытянуть ее губами, но останавливается и оглядывается через плечо на женщину. Ее лицо выражает суровую решительность, в руках — кошелек из красной крокодиловой кожи:

— Остановите счетчик. Я выйду здесь...

(Женщина, которая крадется)¹

Она возникла из апрельской ночи так же неожиданно, как ливень, который заставил ее искать здесь убежища. Фáуфнир Хéрманнссон вздрогнул от неожиданности, когда в дверь служебного входа

¹ Отсылка к заглавию романа Гвудбергура Бергссона «Мышь, которая крадется» (*Músin sem læðist*, 1961) и стихотворению Да-вида Стефанссона «Женщина, которая разжигает мой камин» (*Konan sem kyndir ofnin minn*).